

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

ЛУЧШАЯ КРИМИНАЛЬНАЯ ДРАМА

ТАЙНА В ЧЕРНОЙ РАМКЕ

Колычев. Лучшая криминальная драма

Владимир Колычев

Тайна в черной рамке

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Колычев В. Г.

Тайна в черной рамке / В. Г. Колычев — «Эксмо»,
2022 — (Колычев. Лучшая криминальная драма)

ISBN 978-5-04-170613-5

В загородном лесу обнаружено свежее тайное захоронение. Следственной группе во главе с подполковником Егором Прокофьевым удалось установить, что покойный был приятелем налетчика Аркадия Сарычева, совершившего дерзкое нападение на инкассаторов и до сих пор находящегося на свободе. Возможно, так грабитель расправляется со свидетелями... Сыщики решают еще раз проверить близкое окружение бандита и неожиданно сталкиваются еще с одной загадочной смертью... Еще одна захватывающая история, в которой человеческие чувства проходят жестокие испытания суровыми обстоятельствами. Автор-сила, автор-любовь, автор-ностальгия – по временам, когда миром правили строгие понятия и настоящие мужики.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-170613-5

© Колычев В. Г., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Владимир Колычев

Тайна в черной рамке

© Колычев В.Г., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Часть первая

Глава 1

Солнце в зените, день в самом разгаре, а в лесу кажется, будто утро только-только наступило. И свежо, и гулко, и даже туман где-то по оврагам прячется. Осень, желтая листва на деревьях кажется золотой, радует глаз, усиливает чувство бодрости. А красная листва на рябине, напротив, навевает грусть и нашептывает дурные мысли. Уж не в крови ли склонившееся над могилой дерево?

Могила разрыта, на дне мертвый мужчина лет тридцати. В спортивном костюме, на нем шерстяные носки и только на одной ноге галоша. Труп совсем еще свежий, и суток не прошло с момента смерти. Старушка гуляла с утра по лесу, грибы, ягоды собирала; увидела человека с лопатой, который присыпал землю листьями, рядом стоял второй. Старушка не растерялась, тихонечко дала задний ход, а через часок вернулась, думала выкопать клад, а разрыла могилу. Про клад женщина точно ничего не говорила, про него уже участковый додумал.

– Я не знаю, что она хотела здесь найти, – честно признался молодой еще, но уже упитанный капитан с жидкими усиками под носом, – но пришла еле живая, сердце колотится, это еще хорошо, что у меня корвалол в аптечке имеется. И «Скорая» быстро подъехала.

Подполковник Прокофьев кивнул, глянув на совсем еще юного следователя из районной полиции. Безусый лейтенант в новенькой форме, стройный, подтянутый, но роста среднего, в разговоре он, бедный, невольно поднимался на носки, чтобы казаться выше. Но, как говорится, выше головы не прыгнешь. Ни навыков у него, ни опыта, чтобы раскрыть убийство. Да и не подследственно ему такого рода преступление. Не занимается полицейская юстиция убийствами, для этого существует следственный комитет.

Следственно-оперативная группа из района прибыла так же быстро, как и «Скорая помощь». Представитель следственного комитета по каким-то причинам не подъехал, группу возглавил молодой лейтенант. Осмотрев труп, он позвонил в управление уголовного розыска и обосновал вроде бы все правильно: убийство не совсем обычное, точно не бытовое. Потерпевшего задушили, да и факт незаконного захоронения говорил о многом. И все же Прокофьев принял вызов об убийстве неохотно, думал выслать с группой на место обнаружения трупа капитана Лукова, но в темечко полковнику Шимановскому что-то клюнуло, и Егору пришлось выезжать самому. И Лукова с женой он с собой взял. С недавних пор Саша больше работал в паре со своей молодой женой, чем с братом Пашей.

Впрочем, ехать далеко не пришлось, всего-то двадцать пять километров, девятнадцать по хорошей дороге, остальные по плохой.

Прибывшую из области следственно-оперативную группу возглавлял следователь Бутенков Дмитрий Романович. Он сразу же занялся трупом. А подполковник Прокофьев, поговорив с местным участковым, взглянул на лейтенанта-следователя. Тот, поймав взгляд подполковника, подался к нему, сообразив, что Прокофьев хочет побеседовать с ним.

– Лейтенант юстиции Сережкин! – Парень старался говорить спокойно и руку к козырьку не прикладывал, но от волнения его щеки подернулись румянцем. И на носках он едва заметно приподнялся.

– Труп обыскивал, Сережкин? – спросил Прокофьев.

Парень мотнул головой, поджав губы, но тут же кивнул.

– Так, поверхностно. Труп в яме, неудобно. В карманах пусто.

– Видимо, документы с собой забрали, – предположил участковый.

Ему слова не давали, именно это и хотел сказать Прокофьев, строго глянув на него.

– Кто забрал?

– Которые закапывали... Двое их было.

– Точно двое? Не трое, не четверо?

– Никифоровна двоих видела... Она, правда, видит плохо, катаракта у нее. Лиц не рассмотрела, но то, что их было двое, разглядела.

– И в машину двое садились. Джип там стоял. – Сережкин махнул рукой куда-то в сторону от дороги, которая шла из райцентра. – Следы остались, и от колес, и от ног. Свежие следы. Мы трогать не стали, вашим криминалистам оставили.

– А почему решили, что джип стоял?

– Колеса. Ширина профиля двести семьдесят – двести восемьдесят миллиметров, такие колеса только у внедорожников.

– Замерял или на глаз определил?

– Замерял. На глаз... Еще следы ботинок сорок третьего и сорок четвертого размеров у ямы имеются. С четким таким протектором ботинки.

– Дмитрий Романович, ты слышишь? – обращаясь к Бутенкову, спросил Прокофьев.

– Займемся, обязательно займемся, – кивнул следователь, глядя на труп, который осторожно вытаскивали из ямы.

Бутенков, казалось, и не замечал Прокофьева, но стоило ему только повернуть в сторону, куда указал Сережкин, встрепенулся и шагнул вправо, преграждая ему путь. Он ничего не сказал, но все было ясно без слов. Пусть сначала криминалист осмотрит место захоронения, а оперативники – во вторую очередь. Тем более что местные полицейские уже потоптались по следам.

А мужчина Бутенков крупный, на вид внушительный, но Прокофьева остановило другое – уважительное к нему отношение. Сколько лет они вместе, сколько дел совместно раскрыто.

Прокофьев улыбнулся, вскинув ладони на уровень плеч. Из уважения к боевому товарищу он готов повременить. Сережкин понял все правильно.

– Я осторожно там осматривал, – оправдываясь, сказал он.

– И двоих насчитал? – даже не глянув на него, спросил Бутенков.

– Ну да. Они сначала из машины вышли, носки ног в одну сторону повернуты, а когда садились – в другую. И у багажника натоптано. Они труп на землю не опускали, сразу понесли.

– Так, может, и не было там трупа.

– А вес? Они тяжесть несли – следы от ботинок до самого места захоронения тянутся. На черный груздь наступили, он всмятку.

– Черный груздь у нас в лесу редко встретишь, – с сожалением сказал участковый.

– Черные тюльпаны еще реже, – мрачно усмехнулся Прокофьев.

Под «черным тюльпаном» он подразумевал спецмашину, которая должна будет забрать труп.

– Ну да, – склоняясь над трупом, кивнул Дмитрий Романович.

– Кстати, а «черный тюльпан» по какой дороге должен подъехать? – спросил Саша Луков.

Высокий парень, худощавый, длинноногий, и бегаёт, и препятствия берет, как призовая лошадь. Сильный, выносливый, юморной, любит поговорить. Одно время со своей женой Лидой постоянно ссорился. Женился, развелся, не так давно снова расписался с нею. И с братом его близнецом такая же история, только у него жена Раиса. Лейтенанты Феоктистова и Сальникова когда-то служили в спецназе МВД, а затем перешли в уголовный розыск, там и схлестнулись с Луковыми. Искры летели – с таким скрежетом они притирались друг к другу, но ничего, стерпелись, слюбились, теперь неразлейвода.

– Через Крыжовку, – просветил Сережкин.

– А на какой дороге джип стоял?

– Ну тоже на Крыжовку выйти можно, – кивнул участковый.

– Откуда?

Сережкин замялся, глянул на участкового, тот пришел на помощь.

– Так это, Любонька там, – махнув рукой куда-то на юг, сказал он. – Деревня такая. В ней сейчас почти никто не живет.

– Почти? – спросила Лида.

Красивая девушка, худенькая, стройная, ей бы моделью быть, а она спецназ выбрала и романтику уголовного розыска. И ничего, служит, не жалуется. И Прокофьев на нее не жалуется. Хороший опер, толковый, а то, что с мужем ругалась, так у кого в семье не бывает... Иной раз даже пользу приносит. Однажды супружеская ссора Луковых помогла ему выйти на банду киллеров, а дело тогда пахло керосином. В убийстве обвиняли самого Прокофьева, и, если бы не Лида с Раисой, Егор как минимум лишился бы должности, а может быть, и свободы.

– Да старушки там живут. Доживают... А на выходные из города народ наезжает. Зимой редко, а летом ни одного свободного дома.

– А сейчас дома свободные? – поощрительно глянув на Лукова, спросил Прокофьев.

Неспроста Саша спросил, куда ведет дорога. Не так давно к ним в управление обратился парень, по простоте своей душевной переспавший с женой известного в городе криминального авторитета. Карамболь пообещал оторвать Герасиму хозяйство вместе с ногами, парень спрятался в деревне у своего знакомого. Но бандиты его нашли, правда, погиб тогда совсем другой человек. Но Герасимов прятался от бандитов. И потерпевший, над телом которого возился Бутенков, тоже мог прятаться. В Любоньке. И его могли найти.

Труп, конечно, могли привезти из города, но галоша на ноге покойника опровергала эту версию. Не принято в городе ходить в галошах.

– Не все дома свободные, но много.

Прокофьев еще раз глянул на покойника. Его извлекли из ямы, стряхнули с лица землю. Следы крови на подбородке, нижняя губа расквашена, скула сбита, под глазом синяк. И на шее странгуляционная борозда свидетельствовала о насильственной смерти. Сначала потерпевшего избили, а затем уже задушили.

А ведь где-то видел Егор этого человека. Может быть, вскользь соприкоснулся с ним, не заостряя на нем внимания, потому и не отпечаталась в памяти его фамилия. Но занимался этот парень явно чем-то нехорошим.

Криминалист Еремеев очистил пальцы покойника от грязи, приложил их к дактилоскопическому считывателю, запросил идентификацию. Ответ пришел практически мгновенно.

– Асвалов Виктор Максимович, восемьдесят девятого года рождения, две судимости, обе по двести двадцать восьмой статье¹.

Прокофьев поднес к виску собранные в щепотку пальцы и шелкнул ими. Чугуй – город большой, не мог он знать всех уголовников наперечет, но, видимо, где-то пересекался с Асваловым... Ну да, в управлении он этого парня и видел, в наручниках его вели в кабинет к майору Динскому, который тогда был всего лишь старшим оперуполномоченным в отделе по борьбе с незаконным оборотом наркотиков.

Прокофьев позвонил Динскому. Тот сразу отозвался.

– Здравия тебе, Егор Ильич! – Голос его звучал бодро, но как-то уж очень сухо, практически без интонаций.

Динской все еще майор, но уже заместитель начальника управления по контролю за оборотом наркотиков в системе областного УВД.

¹ Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства.

– И тебе того же, Валерий Станиславович. Фамилия Асвалов тебе что-нибудь говорит?

– Упс!.. А что такое? – оживился Динской.

– Да вот, по грибы ходили, трюфелей хотели накопать, а нарыли Асвалова. Еще не гриб, но уже не живой... Давай выкладывай, что там у тебя за «упс»?

– Так это не телефонный разговор.

– Совсем не телефонный?

– Давай так, выкладывай свои координаты, я сейчас подъеду, гляну на месте, что случилось. И поговорим.

Видно, крепко зацепило Динского убийство, если он так легко собрался в дорогу. Даже не спросил, как далеко ехать.

Егор объяснил коллеге, как добраться до места, а сам вместе с Луковым и его боевой супругой отправился в Любоньку. Как оказалось, в деревню можно было попасть и по другой дороге, чуть более длинной, но лучшего качества.

Как оказалось, эта более лучшая дорога шла не через лес, а в обход него. Вела она к райцентру, но попасть по ней можно было и в Любоньку. Свернули на указатель, прошли километр-другой и оказались в деревеньке, разделенной рекой, более похожей на ручей. Дома все бревенчатые, обшитые доской, почти все избы покрашены, дворы ухожены, но людей действительно мало. Вторник сегодня, рабочий день, а вторая половина октября – не самое лучшее время для отпусков.

Прокофьев заметил двух старушек, они сидели на скамейке возле дома у спуска к ручью и грелись на солнышке, которое в любой момент могло исчезнуть за тучами. Погода сегодня хорошая, но будет длиться недолго. Октябрь месяц на исходе, а в ноябре уже практически зима.

К старушкам отправилась Лида, спросила, разговорила. Одна женщина махнула за речку рукой, другая – клюкой, но обе указали одно направление.

– Парня вчера видели, чернявый, в черном спортивном костюме, – усаживаясь в машину, сказала Лида. – Крайний дом, у самого леса, он там возле машины ходил. Женщины прогуливались, видели.

– А еще кого видели? – Прокофьев смотрел на железобетонные плиты на мосту.

Через него и предстояло сейчас ехать. Плиты старые, с трещинами, как бы не развалились под весом его внедорожника. Но нет, выдержали. Машина перебралась на другой берег, легко взяла подъем.

Дом, о котором говорили женщины, находился на самой окраине деревни. Дорога, по которой к нему подъехали, не заканчивалась, а сворачивала в лес. Возможно, та самая дорога, на которой преступники оставили свой след.

Следы от колес и ботинок с протекторами остались и возле дома. Автомобиль стоял у самого крыльца, причем совсем недавно. Стоял на траве, но уезжал по участку, лишенному дерна, и в этом месте следы колес отпечатались особенно хорошо. Там же Прокофьев заметил и следы от ботинок. И пожалел о том, что не побывал на месте, где Сережкин обнаружил отпечатки колес крупного диаметра. Впрочем, там сейчас мог работать Еремеев, а у него смартфон, есть и профессиональный фотоаппарат, в общем, переслать изображение – не проблема.

Судя по следам в траве, участок с открытым грунтом находился как раз в районе багажника автомобиля. В него, возможно, и погрузили труп Асвалова.

Следы борьбы вели в дом от самого порога. На веранде у двери валялся перевернутый ящик, рассыпанная по полу и лестнице картошка мешала движению. В сенях валялся ящик с домашней консервацией, все банки разбились, на полу смесь из яблочного и сливового варенья в осколках стекла. Дорожка у входа и в жилую половину скомкана, дверь нараспашку, сразу за ней стоял сдвинутый с места кухонный стол, на полу валялась посуда. В горнице такой же бедлам, ковер на полу смят, стол перевернут, стул сломан, стекла в серванте разбиты, осколки разбросаны. И знакомая галоша на полу.

– Асвалова сначала избили, – осматривая комнату, предположила Лида.

– Сначала он убежал... – сказал Прокофьев, глядя на подушку, которая лежала у самого окна. – Откуда, можно догадаться...

Туалет во дворе, ночью Асвалов мог выйти из дома – в галошах на шерстяные носки, на обратном пути увидел подозрительных типов, бросился от них в дом, те за ним. Сначала сбросил ящик с картошкой, чтобы хоть как-то притормозить преследователей, затем столкнулся в проход варенье. И стол он развернул, чтобы задержать противников. Но почему он бежал в дом? И почему подушка валяется на полу? Возможно, там под подушкой у него находилось оружие – нож или даже пистолет.

Но за оружие он, видимо, взяться не успел. Подушку, под которой оно лежало, отбросить успел, а дальше последовала целая серия ударов, справиться с которыми он не смог. Сначала его избили, затем задушили.

– А душили его здесь. – Саша указал на сервант, возле которого мог находиться убийца. – Он сидел, Асвалов лежал спиной к нему, он его душил... След от ноги остался.

Действительно, на пыльном полу виднелась полоса, которую могла оставить резиновая подошва. Возможно, убийца с силой отталкивался от пола, затягивая удавку на шее Асвалова. Возможно, потерпевший сопротивлялся.

– И галоша, – кивнул Прокофьев.

– Откинул галоши? – усмехнулась Лида.

– След не от галоши.

Саша хотел подойти ближе и пальцем показать на полосу от чьей-то подошвы, но Прокофьев предостерег его.

– Давайте не будем злить Романа Дмитриевича, – указывая на выход, сказал он.

Они уже получили примерную картину произошедшего, с подробностями пусть разбираются эксперты. Может быть, преступники оставили свои пальчики. Они, похоже, не особо заботились о том, чтобы уничтожить следы. А зачем, если они собирались избавиться от трупа? Как говорится, нет тела, нет дела.

В сенях Прокофьев остановился. Разлитое на полу варенье преступников не сдержало, они наступали в жижу, оставляя следы по всему полу. И судя по следам, было не два человека, а больше. Асвалов не наследил, он бежал впереди, сбросил банки с вареньем, после него прошли еще трое. Эксперты разберутся со следами, снимут слепки, возможно, еще и четвертый преступник нарисует.

Глава 2

Место и объект преступления сфотографировали, труп увезли, только тогда появился Динской. Лицо круглое, нос маленький, да еще и приплюснутый, брови густые, черные, а глаза бесцветные. Плотный, подкачанный, ростом даже ниже среднего, но при этом никакого стремления казаться выше. Движения энергичные, походка пружинистая, будто летящая. Он с такой скоростью надвигался на Прокофьева, что возникло желание выставить руку, отгораживаясь от него.

Динской остановился.

– Опоздал? – спросил он виновато.

– Да нет, еще к Любоньке ехать, – усмехнулся Прокофьев.

– Куда?

– Деревня Любонька, там, думаю, Асвалова и убили.

– Кто?

– Ну автографов там осталось много, расшифруем, будем знать. Преступники уехали, предположительно, на машине Асвалова.

Прокофьев задумался. Преступники погрузили труп Асвалова в его же машину, вывезли покойника в лес, похоронили, на его же машине и уехали. Но вряд ли они добирались до Любоньки пешком, скорее всего, их машина осталась где-то в сторонке. Преступники похоронили Асвалова, его внедорожник загнали куда-то в лес, а уехали на своей машине. Возможно, автомобиль Асвалова находился сейчас где-то неподалеку от места преступления.

– А точно Асвалов был? – спросил Динской.

– А что, есть сомнения?

– Да мало ли, вдруг подмена какая-то. У Освальда дела нехорошие со Свищом... Освальд – это Асвалов.

– Чем занимался Освальд?

Свища Прокофьев знал хорошо. Но с плохой стороны. Не так давно жестко с ним схлестнулся, за что едва не схлопотал выговор от начальства. Свищ взял под себя всю наркоту в городе, во всяком случае, стремился к этому. Раньше он работал под Карамболом, но летом этого года объявил о своей независимости. И Карамболь ничего не может с ним поделаться.

– Чем занимался... Вещества в «Чугунке» толкал. Сколько раз его ловили, сколько предупреждали, а все без толку. – Динской понизил голос, выразительно глянув на Сашу Лукова, который стоял неподалеку.

Прокофьев его понял, они отошли в сторонку, чтобы никто не слышал их разговор.

– Короче, Освальд был моим контактом.

– Что нехорошо было у Освальда со Свищом?

– Девчонка у него была, наркоманка, Освальд ее с иглы снял.

– Я не понял, ты в наркоконтроле служишь или в управлении фантастики? – Прокофьев хмуро смотрел на Динского.

Они же не сопливые юнцы, а зрелые опера, зачем им кормить друг друга баснями, сочиняя их на ходу?

– Если честно, я сам не поверил, когда услышал. Но потом оказалось, что все так и было.

Мимоза реально расцвела, Свищ ее в свой цветник взял.

Прокофьев усмехнулся. О цветнике Свища уже скоро легенды слагать будут. Бордову как-то пришлось проехать по его любовницам, умаялся, бедный.

– И Освальду сказал, что с Мимозой все, а Освальд есть Освальд...

– Что Освальд?

– Ну спит он с Мимозой.

– И Свищ мог его за это убить?

– Этого я не говорил, – пожал плечами Динской.

– Ты сказал другое... Ты не удивился, что Освальда убили.

– Ну так он же мой контакт. Его за одну связь со мной могли грохнуть.

– Он тебе звонил, просил защиты?

– Да нет.

– А ведь он от кого-то прятался. Может, от Свища.

– Есть еще один момент. Можно сказать, рабочий. Свищ на Хикса жестко наехал. А Хикс реально вещества бодряжил, Свищ давно его подозревал. И предупреждал, а недавно вот наехал.

С Хиксом Прокофьев дел не имел, но слышал о нем краем уха. Один из свищовских наркодилеров среднего звена, птица не очень высокого полета. Но птица.

– А Освальд здесь при чем?

– Так Хикс через Освальда навар свой в «Чугунке» сбывал, а прайс они между собой делили.

– Это точно?

– Точнее бывает только проверенная информация, – усмехнулся Динской.

– С Хиксом бы поговорить... Или поздно уже?

– Почему поздно?

– Ну если Свищ на него наехал.

– Да нет, в морге об этом пока не известно.

– Так давай поговорим с Хиксом.

– Где живет Хикс, я знаю.

– Поедем к нему?

Динской немного подумал, решительно кивнул, быстро развернулся и так же стремительно набрал скорость.

Хикс жил в центре города, в доме у трамвайной линии между церковью и торговым центром. Земля дорогая, а дом, мягко говоря, не очень. Старенький дом из красного кирпича, шиферная крыша от времени подернулась мхом, позеленела. А сам Хикс посинел. И тоже, можно сказать, от времени. Труп его, возможно, пролежал всю ночь и большую часть дня.

Тело уже укладывали на носилки, когда подоспел Прокофьев. Автомобиль патрульно-постовой службы стоял у дома, рядом был припаркован микроавтобус следственно-оперативной группы и специализированный автомобиль с красным крестом и с холодильной камерой. В доме работали криминалист, судмедэксперт. И следователь. С таким же скучающим лицом, как у всех остальных полицейских.

– Зря приехали, товарищ подполковник, – обращаясь к Прокофьеву, с постным видом сказал майор юстиции Шарков. – Несчастный случай.

– Отравление угарным газом... – подтвердил судмедэксперт, показав на газовую печь в углу комнаты. – Дом старый, отопление неисправное, газ полностью не выгорает.

– Все время выгорал, а сегодня не выгорел? – Прокофьев осмотрел комнату, диван, с которого только что подняли труп.

Потерпевший ложился спать в одежде, в этом ничего подозрительного. Но где подушка? Вряд ли следователь решил изъять ее в качестве вещественного доказательства.

– А смерть, она бывает только раз, – философски ответил Шарков.

– И всегда наступает впервые, – поддержал майора судмедэксперт.

Ему так же, как и следователю, не терпелось поскорее убраться из дома.

– Значит, гражданин Полотнов сам умер? – спросил Динской, глянув на Прокофьева.

– Говорю же, отравление угарным газом, – ответил эксперт, переглянувшись со следователем.

– А подельник Полотнова сам задушился и сам закопался?

– Какой еще поделщик? – нахмурился Шарков.

– В том-то и беда, Юрий Алексеевич, что и Полотнов, и его поделщик погибли в один день, – сказал Прокофьев.

– И погибнуть они должны были в один день, – добавил Динской. – И погибли.

– Ну этот факт меняет картину, – нехотя выдал из себя Шарков.

– В общем-то заслонку могли закрыть нарочно, – кивнул эксперт.

– И спать Полотнова могли уложить без подушки, – предположил Прокофьев.

Он подошел к печи, встроенной в стену, поднес руку к выдвинутой чугунной заслонке, рядом с которой, спускаясь к топке, проходила газовая труба. И стена побелена, и печь, и труба. Побелка не самая свежая, но Прокофьев лишь слегка коснулся трубы рукавом куртки, а на нем осталось пятно извести. Заслонки он касаться не стал, всего лишь удостоверился, что закрыть ее можно с высоты человеческого роста, не нужно никаких табуреток, стульев и тем более стремянок.

– Предварительно напоив, – добавил следователь.

Стол с остатками пиршества находился в соседней комнате, початая бутылка на нем, полупустая банка с огурцами, подсохшие на тарелке кружочки колбасы, пустые стаканы. Не в одиночку Полотнов пьянствовал, нужно искать его собутыльника.

За окном послышался шум. Кто-то с силой ударил по забору, звонко треснула штукатурка. Прокофьев выглянул в окно и увидел невысокого, плотно сбитого мужчину в черном распашнутом настежь полупальто. Со страдальческим выражением лица он смотрел на отъезжающий спецавтомобиль с трупом Хикса. Он стоял у калитки, но путь ему преграждал патрульный с автоматом.

Прокофьев подошел к мужчине, но первым к нему обратился Динской.

– Нет больше твоего дружка, Борщ, – сказал он, внимательно и с неприязнью глядя на мужчину.

– Ну кому-то, может, и Борщ... – зыркнул на него мужчина.

И подбородок у него выступал вперед, и нижняя часть носа также выпирала, даже надбровья выпуклые.

– А что, не дружок? – спросил Прокофьев, глядя на рукав полупальто.

Следы побелки на нем. Борщ и пытался затереть пятно, но совсем свести его не смог. И с коленки он известь стряхивал, и также не совсем удачно.

– А это еще кто? – глянув на Прокофьева, скривился Борщ.

– Убойный отдел, Борщ. – Динской с удивлением смотрел на него. – Подполковник Прокофьев.

Действительно, что за странные вопросы? Это законопослушный гражданин мог не знать, кто такой подполковник Прокофьев, а Борщ – элемент преступный, знать обязан.

– Ну слышал.

– Отстал ты от жизни, Борщ, – усмехнулся майор.

– Так я с убоем не связан.

– С наркотой ты связан!

– А это еще доказать надо!..

– Пока что мы можем доказать твою связь с алкоголем, – поморщился Прокофьев.

От Борща несло вчерашним перегаром, даже аромат мятных конфеток не мог его перебить.

– Пить не запрещено.

– Смотри с кем ты выпивал... Ты далеко не уходи, Борщ. Сначала автограф. – Прокофьев приложил палец к ладони.

Вряд ли Борщ не имел приводов, скорее всего, отпечатки его пальцев есть в картотеке, но в таких случаях лучше перебить.

– Я же сказал, я тебе не Борщ! – вскинулся мужчина.

Он собирался назвать Прокофьева мусором или еще кем-то в этом роде, но передумал, столкнувшись с его предостерегающим взглядом.

– Чего тебе надо, начальник? Пальцы мои?.. Так я и не скрываю, что был вчера... Ну да, бухал вчера с Олегом!

– А забор зачем рушишь? – Прокофьев кивком указал на сломанную штакетину.

– Так Олег мне друг, а его в холодильнике увезли.

– Несчастный случай, отравление угарным газом?

– Так сержант мне сказал, – глянув на патрульного, кивнул Борщ.

– А ты обрадовался? – усмехнулся Прокофьев.

Иногда убийцы возвращаются на место преступления, особенно в тех случаях, когда смерть маскируется под несчастный случай. Борщ хотел убедиться, что план сработал, и патрульно-постовой сержант его успокоил. На радостях он изобразил приступ гнева, сломал забор. Но тут же получил моральный удар под дых, увидев Динского и Прокофьева. Если убийный отдел в работе, значит, несчастный случай отпадает. Теперь вот выкручивайся.

А в своей неуязвимости Борщ, видимо, сомневался. Возможно, кто-то знал о его визите к Хиксу. Кто-то, кто мог свидетельствовать против него. К тому же на месте преступления, возможно, остались отпечатки его пальцев или даже слюна на стакане. Может, он потому и не стал уничтожать следы своего пребывания, что имелись свидетели, и он это знал... А может, и уничтожил. Но все равно вернулся.

– Я обрадовался?! – скривился Борщ. – Да Олег мне роднее брата!..

– Убили твоего роднее брата.

– Все-таки убили?

– Почему все-таки? – отреагировал Прокофьев.

– А не мог Олег так просто склеиться!..

– Склеили?

– Да проблемы у него были...

– С кем проблемы? Какие?

– Эй, начальник, ты коней не гони! – встрепенулся Борщ.

– Секретная информация? – усмехнулся Динской.

– А хотя бы и так!

– Тогда ты попал по адресу, Борщ! Только у нас есть специальные помещения для хранения секретной информации. Вместе с ее носителем. Решетки, железные двери, охрана.

– Специальная охрана, – поддержал шутку Прокофьев.

– А что я такого сделал?

– Всего лишь форточку открыл. В подводной лодке. А если точнее, заслонку задвинул.

– Какую заслонку?

– В газовой печке. – Прокофьев выразительно смотрел на рукав полупальто мужчины.

Борщ это заметил, занервничал, невольно и легонько хлопнул по рукаву ладонью, закрыв пятно.

– Я не задвигал, а выдвигал.

– Зачем?

– Олег спать лег, а я смотрю, заслонка закрыта.

– И печка выключена? – с насмешкой спросил Динской.

– Ну да, – глянув на него, напряженно сказал Борщ.

– А печку кто включил?

– Я и включил. Время-то сейчас какое, днем еще ничего, а ночью холодно.

– Заботливый какой!

– А чего там? Открыл газ, поднес спичку, и все.

– Заглушку выдвинуть забыл.

– Наоборот.

– Наоборот уже потом было, – сказал Прокофьев. – Сначала ты задвинул заглушку, а потом уже открыл. После того, как Полотнов угорел.

– Все было так, как я сказал. А как ты сказал, начальник, так не было. Печку зажег, Олег попросил, было дело, и заслонку открыл. А дальше не я действовал.

– А кто?.. Что у тебя за секретная информация?

– Ну были у Олега проблемы, – замялся Борщ.

– Со Свищом? – спросил Динской.

– Ну-у... – Борщ отвел в сторону глаза.

– А Свищ для тебя чужой дядя? Ты его проблему решить не мог?

– Да не при делах я, начальник! – Борщ приложил к груди обе ладони.

– Не при делах, – усмехнулся Прокофьев. – Но в гости к нам добро пожаловать!

Что бы ни говорил Борщ, а с потерпевшим он выпивал. И спать он его укладывал. Значит, и отравление угарным газом мог организовать. В отдел его надо забирать, до выяснения обстоятельств. А заодно и об Освальде поговорить.

Усаживая подозреваемого в машину, Прокофьев заметил, как тронулся с места стоявший вдалеке черный внедорожный «Фольксваген» с затемненными окнами. Похоже, за Борщом наблюдали, если так, то его задержание воспринято как сигнал тревоги.

Глава 3

Тоскливо в больнице, атмосфера гнетущая, давит на душу, аж кровь в жилах останавливается. Вроде бы и ремонт в здании сделали, стены покрасили, пол обновили, а все равно бежать отсюда хочется. И, как оказалось, Саша был не одинок в своих ощущениях. Гражданка Неверодская также спешила покинуть больницу. Не понравилось ей здесь, сердечный ритм вдруг вернулся в норму, самочувствие резко улучшилось, и старушку отпустили домой.

Саша столкнулся с женщиной на входе в кардиологию, прошел мимо, у дежурной медсестры узнал, что свидетельница только что ушла, развернулся – и назад. Но догнать Неверодскую ему не пришлось: Анастасию Никифоровну перехватила во дворе больницы Лида. Она уже разговаривала с ней, когда подоспел Саша.

– Зрение у меня плохое, милочка, – сетовала старушка. – Не разглядела я иродов этих.

– Ну а какого они роста, какой комплекции? – допытывалась Лида.

– Один рослый, – сказала женщина, подняв руку и до упора согнув пальцы. – А другой на короточках сидел, землю ровнял. Потом поднялся... Ну этот поменьше, но пошире... Кажется, пошире... Это ж надо, человека заживо похоронить!..

– Почему заживо? – нахмурилась Лида.

– А потому что не по-человечески!.. Все, пойду я, милая. – Женщина приложила руку к груди. – А то как вспомню, сердце в груди останавливается.

– Мы вас подвезем, – кивком указав на свой красный «жук», предложила Лида.

– Дай тебе бог здоровья, доченька!

Луков помог старушке сесть в машину, закрыл за ней дверь, и в это время в его кармане зазвонил телефон. На дисплее высветилось имя начальника отдела.

– Да, товарищ подполковник!

Начальник у них строгий, но, как говорят в таких случаях, справедливый, так просто не накажет и тем более не накричит. Уставщиной Прокофьев не страдал, но и до фамильярных отношений с подчиненными не опускался. Не то чтобы попытки пресекал, просто никто не пробовал обращаться к нему на «ты». Тот же Бордов всего на четыре года младше Прокофьева, служил с ним относительно долго, одно время даже в одинаковом звании были, а все равно только на «вы».

– Где вы с Лидой? – коротко спросил Прокофьев.

– Так гражданку Никифоровну лечим. Сердечный приступ сняли, зрение пытаемся восстановить.

– Оружие при тебе?

– Да.

– Давайте к захоронению, возможно, убийцы приедут за трупом... Останавливать их не надо, – немного подумав, сказал Прокофьев. – Просто посмотреть, кто подъехал, запомнить, по возможности, сфотографировать.

– Понял!

Саша открыл дверь, сел в машину слева от Лиды и движением руки указал на ворота.

– Когда на месте будете? – спросил Прокофьев.

– Минут через двадцать.

Саша на мгновение задумался. Бабушку придется высадить на повороте к ее деревне, от перекрестка до Крыжовки недалеко, не больше километра – дотопают.

– Успеете. Преступники могут следовать к месту захоронения на черном автомобиле «Фольксваген Туарег», номер пока сказать не могу.

– А задерживать не надо?

– Ну если преступник будет один... Или двое...

– Если будет один, сфотографируем с предупредительной фотовспышкой. – Саша провел пальцами по рукояти своего пистолета. – Если двое, предупреждать не будем.

– Не рискуйте. Действуйте по обстоятельствам. Мы уже в пути! – подбодрил Прокофьев, и в трубке послышались короткие гудки.

– Что там?

– Прокофьев спрашивает, сколько кадров в пленке. – Луков извлек из кобуры пистолет, выщелкнул обойму, проверил, а затем вернул ее на место.

И запасной магазин проверил.

– У меня шестнадцать, – сказал он.

– А фотографировать кого?

– Да за кладом могут вернуться, – кивнув через плечо, сказал Саша.

Старушка не отозвалась, то ли не услышала, то ли не поняла, о чем разговор.

– Пусть возвращаются, – решительно сказала Лида.

Саша озадаченно глянул на жену. Лида и стреляла не хуже, чем он, даже лучше, и в рукопашном бою могла взять над ним верх, но не хотелось ею рисковать. Вдруг их ждет перестрелка, вдруг ей не повезет. А еще они могли попасть в руки к бандитам... Но делать нечего, они на службе, задание получено, хочешь не хочешь, а выполнять нужно.

Черный «Туарег» свернул с шоссе практически одновременно с ними. Они ехали со стороны райцентра, а подозрительная машина двигалась со стороны города. Вряд ли их с Лидой маневр мог показаться подозрительным.

«Туарег» прошел мимо поворота на Крыжовку, а Саша велел везти Никифоровну домой. Но высадили ее на окраине деревни, развернулись и снова выехали на проселок, который вел к месту захоронения.

– И что значит сей ефрейторский зазор? – спросила Лида, разгоняя машину.

– А сколько мы у них на хвосте висели! Могли заподозрить!..

– Заподозрят. Когда к могиле подъедут. А она разрыта, может, и ограждение не снято.

– Ограждение, – кивнул Саша.

Сигнальную ленту видно издали, если ее не сняли, предполагаемые преступники поймут, что произошло, даже не выходя из машины, и повернут назад.

Так все и вышло. Они еще даже не подъехали к месту, когда им навстречу выскочил черный внедорожник. Дорога в этом месте изгибалась, и с одной стороны рос пышный кустарник, и с другой. «Туарег» появился внезапно, Лида едва успела нажать на тормоза. Машины встали нос к носу, на расстоянии метра одна от другой. Саша увидел за лобовым стеклом лицо водителя – широкое, небритое, с высокими скулами. Прямые надбровья, близко посаженные глаза, прямой с широкой спинкой нос, грубый подбородок.

– Мы ничего про них не знаем!.. – скороговоркой произнесла Лида и быстро открыла дверь.

Саша кивнул, принимая предложенный сценарий. Даже несостоявшееся столкновение двух машин – уже инцидент. У девушки-водителя не выдерживают нервы, она в сердцах набрасывается на возмутителей спокойствия, создается видимость бытового конфликта, который резко перерастает в вооруженное столкновение.

– Ну вы козлы! – выскакивая из машины, крикнула Лида.

Она пока не распахивала куртку, не тянулась к пистолету. И Саша не торопился хвататься за оружие. Но также с озлобленным лицом вышел из машины.

Увы, пассажир «Фольксвагена» не повелся на их игру. И высунулся он из машины не через дверь, а через люк в крыше. Сначала Саша увидел направленный на него ствол пистолета, а затем длинное, вытянутое книзу лицо с небольшими выпуклыми глазами.

– Лида! – осатанело крикнул Саша.

Их разделяла машина, он физически не мог закрыть жену от пули. Пистолет все еще в кобуре, нужно доставать, а противник не дремлет.

Впрочем, пистолет направлен был на Сашу не совсем твердой рукой. Длиннолицый только выкарабкивался из машины, тело еще не приняло уверенное положение для стрельбы.

И все же бандит опередил Сашу, выстрелил прицельно раньше, чем он привел к бою оружие. Пришлось уходить в сторону под прикрытие куста. Пуля прошла мимо, срезав над головой ветку. Лида совершила такой же маневр, но в другую сторону.

И все же куст не мог защитить Сашу, а необходимость маневрировать не позволяли ему стрелять. Он ушел от одной пули, от другой, а «Фольксваген», дав задний ход, стал удаляться. Длиннолицый продолжал стрелять, но машину трясло на ухабах, и он мазал.

Саша выстрелил одновременно с Лидой, попали они в цель или нет, неизвестно, но в лобовом стекле образовалось пулевое отверстие, а стрелок исчез в люке. «Туарег» удалялся, задним ходом стремительно набирая скорость.

– По колесам! – крикнул Саша.

Но Лида не слушала его, она запрыгнула в свою машину, увлекая его за собой. Саша стрелял, пока в обойме не закончились патроны. Магазин он собирался сменить уже в машине, но неожиданно «Фольксваген» въехал задним бампером в дерево и остановился. А расстояние до него метров пятьдесят, не больше, можно обойтись и без автомобиля.

– Будь здесь! – закрывая дверь, крикнул Саша.

Он вовсе не хотел, чтобы Лида снова подставляла голову под пули. Но слушаться она его не стала, рванула следом.

Небритый попытался сорвать машину с места, но задние колеса не смогли вытолкнуть ее из придорожной ямы. Он бегом бросился в лес: спасти его сейчас могли только быстрые ноги.

Саша хотел было бежать за водителем, но в машине оставался вооруженный пассажир. Сначала нужно было устранить одну опасность, а затем уже преследовать другую. Но выстрела в спину он опасался напрасно. Длиннолицый стрелок сидел в машине, раскинув руки. В животе у него, чуть правее солнечного сплетения, источало кровь пулевое отверстие. Парень смотрел на Сашу дикими глазами, но не мог даже пошевелить рукой, хотя бы для того, чтобы прикрыть рану.

– Что там? – останавливаясь рядом, спросила Лида.

– Займись им!

Саша рванул за беглецом, не жалея ни сил, ни себя. То на палку сухую наступит – обломок летит в лицо, то на острый камень, и ветки больно хлестали по щекам, все норовили выколоть глаза. Но, набрав темп, он уверенно сближался с бандитом. Саша чувствовал в себе силы, он был уверен, что вот-вот настигнет парня, но неожиданно противник исчез из виду, как будто в трясину с головой провалился. Саша сбавил скорость, перешел на шаг, пистолет у него на изготовку. Беглец мог всего лишь спрятаться за деревом, за кустом и прибегнуть к оружию.

И точно, Саша угодил в засаду. Раздался выстрел, и боль обожгла правое бедро. Он выстрелил на дымок из-за дерева и залег. В ответ прозвучала пара слившихся в один гул выстрелов, пули прошли над головой.

Луков выстрелил, рассчитывая на такой же ответ, но беглец, с шумом выскочив из-за кустов, рванул прочь от него. Саша поднялся, но смог сделать лишь несколько шагов. Нога резко отяжелела, онемела, из раны хлестала кровь, и, если ее не остановить, завтрашний день для него может и не наступить.

* * *

Если деньги – зло, то женщина – обитель зла. Сколько Свищ уже вложил в своих красоток, сколько еще вложит. Ради них, можно сказать, старается, рискует головой и свободой.

Карамболу вызов бросил, чтобы еще богаче стать, и все ради них. А как еще иначе? Без женщин мир – сплошная тоска.

Женщины – его радость, они же его погибель. Свищ почти уверен был в том, что рано или поздно кто-то из них подставит его. А Мимоза еще могла и убить своей рукой. Шальная она бабенка, без царя в голове. И Освальда своего до сих пор любит. За него может и убить. Ствола у нее нет, ножа тоже, но пилочка для ногтей в умелых руках – тоже оружие. А она как раз сидела на кровати, подтачивая ногти. Свищ лежал на спине, и живот открыт для удара, но ему почему-то не страшно. Он ведь и без того по лезвию ходит, тот же Карамболь мог нанести удар. Он хоть и не молод, но навредить может.

– А почему ты не говоришь, что Освальда больше нет, – сказала Мимоза, разглядывая растопыренные пальцы на левой руке.

А пилочка в правой, и ударить в глаз она могла хоть сейчас. Но Свищ лишь усмехнулся, глядя на нее. Рисковать он не любил, но в таких вот случаях, как сейчас, ему нравилось пощекотать себе нервы.

– Кто сказал?

– Слышала. Ты по телефону говорил.

– Что я говорил?

Ему действительно звонили, сказали, что номер с Борщом не прошел, в дело встрял убойный отдел, возможно, и с Освальдом вышел полный облом. Пашня сказал, что отправил пацанов за город, перезахоронить труп Освальда, а то Борща повязали, как бы слив не случился. Свищ не совсем понял, в чем смысл возни с перезахоронением, и все же согласился, дал добро, но Освальда по имени так ни разу не назвал. И Пашня воздерживался от упоминания имен. Конспирация в их работе не пустой звук. К тому же Свищ не строил никаких иллюзий насчет Мимозы. Девочка прошла и Крым, и Рим. Да и в ментовке побывала. Неудивительно, если она постукивает на него.

Не говорил Свищ вслух ничего компрометирующего, но у Мимозы нюх не обычный, у наркоманов особенная чуйка. А она сейчас хоть и не потребляет, но в душе так и осталась наркоманской шлюхой. Но очень сексуальной шлюхой. Вроде бы и ничего особенного в ней, ну мордашка смазливая, ну линия рта интересная, но ведь не писаная красавица. Обычная телка, и тощая как вобла, кожа да кости, ан нет, как увидишь ее голой в постели, аж зубы сводит. И еще от нее всегда хорошо пахло, духи у нее чумовые, просто приворот какой-то колдовской.

– Говорил.

– А почему Освальда больше нет? – усмехнулся Свищ.

Не говорил он ничего, но в то же время Мимоза права, а раз так, зачем ее разубеждать?

– Ну точно не из-за меня. – Мимоза произнесла фразу уверенно, но на него глянула ожидающе. А вдруг все-таки из-за нее случился конфликт?

– Ты умная девочка, – осклабился Свищ.

И Хикс заигрался, и Освальд, один бодяжил кокс, другой толкал ворованное, а ведь их предупреждали. Не поняли – получили.

А еще Освальд мог работать на ментов, доказательств этому так и не нашли, но подозрения не развеялись. А в серьезных делах подозрения – это уже приговор.

– А если я спала с Освальдом? – и с вызовом, и с опаской спросила Мимоза. – Если уже после тебя?

В ответ Свищ засмеялся. С кем эта шлюха только не спала! Как можно ревновать грязь из-под ногтей к кому-то?

– Я знаю.

И еще Свищ не исключал, что это Мимоза могла предупредить Освальда об опасности. Учужала настроение своего нового любовника и позвонила старому. Или даже при встрече с

Освальдом сказала. Но не мочить же ее за это? А если мочить, то не сейчас. Не насытился еще Свищ ею.

– И что?

На тумбочке зазвонил телефон, на дисплее высветилось три восклицательных знака. Звонил Пашня.

– А то, что презервативы у меня надежные, – поднимаясь с кровати, сказал Свищ.

Телефон он брать не торопился: не хотел отвлекать внимания от Мимозы. Токсичная она штука, опасная, может, это и забавляло его, но не до такой же степени, чтобы подставлять спину под удар. А она все еще могла ткнуть его своей пилочкой.

А презервативы у него действительно надежные, а как без них?

Свищ поднялся, взял мобильник, глянул на Мимозу. Шлюха она и тварь, но к ней тянет, иногда невыносимо. Она сама по себе аномалия, может, потому и тянет к ней патологически. Но на сегодня хватит. Сегодня у него по плану ночь с женой, должен же он хоть иногда совершать что-нибудь законное.

– Да.

– Май заканчивается, – выпалил Пашня.

– Не понял, – не сразу сообразил Свищ.

– В больнице Май, менты подстрелили.

Свищ переместился из одной комнаты в другую, на всякий случай закрыл за собой дверь.

– А почему заканчивается?

– Так печенку прострелили, не жилец, говорят. Не выходя из наркоза, сразу на тот свет.

– А второй? – Свищ не стал называть Гаврилу ни по кличке, ни по имени.

Облажались его киллеры, если на ментов нарвались. Борща приняли, Май не жилец, если еще Гаврилу замели, то совсем край. Впрочем, переживать нечего, отмашка через Кривого шла, а он хоть и тупой, но преданный до мозга костей.

– Второй ушел. Мент вроде как подстрелил. Прокофьевский.

– Надо с ним решить.

– С Прокофьевым?

– С ним потом, – усмехнулся Свищ.

Прокофьева он удушил бы своими руками. Слишком крутой этот мент, чтобы оставлять его в живых. Свищ хорошо помнил тот момент возле больницы. Он только что поставил мат раненому Карамболу, весь такой на белом коне возвращался к машине, а навстречу Прокофьев. Свернуть Свищ не мог, гордость не позволила, а Прокофьев пер как танк. Свищ был уверен в своей победе, плечо свое в летящий камень превратил, но с места сдвинули его самого. Плечо у Прокофьева оказалось крепче...

В тот же день Прокофьева в это самое плечо и ранили. Стрелял киллер, Прокофьев решил, что его заказал Свищ, и тут такое началось! Сколько ж крови тогда попил мент.

Глава 4

Сначала провели операцию, затем установили личность раненого. Майский Дмитрий Павлович, восемьдесят восьмого года рождения, и судим, и привлекался. И на учете у Динского состоял – как человек из команды Кости Пахалева. А уж кто такой Пашня, Прокофьев знал хорошо и без наркоконтроля.

Из наркоза Май выходил долго, всю ночь. В охраняемую в реанимации палату пришел Прокофьев. Майский смотрел на него не мигая, взгляд как будто невменяемый, но по щеке текла слеза. Возможно, глаза у бандита слезились сами по себе, но вид у парня был такой, будто он прощался с жизнью.

– Даже не знаю, чем тебя утешить, Дима.

Майский действительно мог умереть уже сегодня, но Прокофьев смотрел на него без особого сожаления.

– Хреновые у тебя дела. В сотрудников полиции ты стрелял на поражение. Это во-первых, а убийство Освальда – это уже во-вторых.

Майский молчал, туманным взором глядя на Прокофьева.

– Зря ты на смерть надеешься, не придет она за тобой, – качнул головой Динской. – По этапу пойдешь, сначала, правда, в СИЗО посидишь, потом на зону отправишься.

Майский медленно перевел взгляд на полицейского.

– А мы ведь и помочь можем, – сказал Прокофьев. – Покушение на жизнь сотрудников полиции спишем. Тем более что не ты, а дружок твой ранил моего сотрудника.

Личность беглеца установили по «пальчикам». Гаврилов Илья Михайлович мотал срок вместе с Майским, освободился сам и перетянул к себе в Чугуй своего дружка, сейчас они оба работали на Пашню, а вместе с тем и на Свища. Прокофьев не видел оснований не доверять информации, предоставленной Динским.

Майский оторвал взгляд от Динского, но на Прокофьева глаза не перевел. Так и замер взгляд где-то между майором и подполковником.

– А если ты вдруг умирать собрался, – глянув на Прокофьева, сказал Динской. – То подумай о своих грехах. Не держи в себе, покайся, облегчи душу. Кто вам приказал убить Освальда?

Майский едва заметно качнул головой, не скажет он ничего, даже надеяться на это не стоит.

– А Хикса кто заказал?

В ответ Майский едва заметно фыркнул, но взгляд от далекой точки за спиной у Прокофьева не оторвал, так и продолжал смотреть в пустоту.

– Зачем вы вчера возвращались к месту, где похоронили Освальда? – спросил Прокофьев.

Майский отрицательно качнул головой.

– Не вы хоронили?! – усмехнулся Динской. – Или Освальд сам зарылся?

Парень скривил губы, давая понять, что не желает общаться с ним.

– Может, его другие дяди убили? Те, которые ботиночки вам свои поносить дали!

Эксперты внимательно осмотрели дом, в котором задушили Освальда. Видимо, Майский и Гаврилов шли на дело в перчатках, отпечатков пальцев они не оставили, а ботинками своими наследили. В этой же обуви они вернулись к захоронению, в этих же ботинках Майского и взяли. Труп Освальда они привезли на его машине, на ней же и уехали. Машину эту они бросили, ее уже нашли. Хотя это уже и не суть важно.

– Наследили вы в доме у Освальда. Вы его вычислили, вы к нему приехали, вы его задушили, вы его похоронили, – наседавал Динской. – Отпираться бесполезно!

В ответ Майский едва заметно скривил губы в ехидной усмешке.

– Наследили вы, – повторил Прокофьев. – Знаем мы, что это вы с Гаврилой Освальда убили. Пока не ясно только одно, – кто конкретно это сделал, ты или твой дружок. Гаврилов на тебя все валит.

Майский шумно выдохнул через нос, раздувая ноздри, но промолчал. Он не мог знать, что Гаврилова взять пока не удалось, но, возможно, кто-то шепнул ему на ушко, передав привет от главного босса. Свищ – самый настоящий наркоспрут, щупальца у него длинные, и дотянутся они до кого угодно.

– Кто Освальда задушил?

Майский качнул головой. Не душил он Освальда, и точка.

– Гаврилов задушил?

– Нет, – тихо или даже совсем не слышно отозвался раненый.

Он пошевелил губами, и в этом движении Прокофьев прочел слово «нет».

– А кто?

Чутье Прокофьева не подвело. Кроме Майского и Гаврилова, в доме побывал кто-то третий. Эксперты действительно обнаружили следы ног еще одного человека. Именно этот неизвестный и мог задушить Освальда.

В ответ Майский тихонько выдохнул, взгляд его замер и стал застывать, как остановившиеся капли воды на морозе. И дыхание остановилось.

– Врача! – крикнул Прокофьев.

Но вернуть Майского к жизни не удалось: его сердце остановилось навсегда.

Из больницы Прокофьев выходил в состоянии легкой задумчивости. Не сказал Майский, кто убивал, не признался, но выводы можно делать. Они с Гавриловым труп из дома выносили, они закапывали тело, они к захоронению вчера вернулись, они оказали сопротивление сотрудникам полиции. Следы их зафиксированы и в доме, и у могилы, от этих улик не отвертеться. Но все-таки был кто-то третий. Но разве не мог сначала появиться киллер, а потом уже Майский с Гавриловым, чтобы прибраться за ним?

– Не понял. – Голос у Динского тревожно дрогнул.

Он кивком указал на два «Гелендвагена», приближающихся к главному больничному корпусу со стороны ворот.

– Думаешь, Свищ?

– Если с охраной, то Свищ. Или Карамболь, – усмехнулся Динской.

Прокофьев кивнул. Карамболь и Свищ сейчас, что называется, в контрах, могут перестрелять друг друга, потому без охраны ни шагу. И передвигаются оба на «Гелендвагенах», и номера у них крутые, нули да единицы.

Машины остановились, из них выскочили крепкие парни в черных полупальто, как у Борща, один из них открыл дверь, появился Свищ, изнывающий от тяжести своего величия. Глянул на Прокофьева, на Динского, презрительно скривился. Они стояли у него на пути, он мог их или протаранить, или просто обойти. А еще его быки могли их просто перестрелять, но Свищ, похоже, не собирался впадать в крайности. И даже таранить Прокофьева с Динским не решился. Подошел, остановился, всем видом выказывая свое презрение. Четыре быка взяли его в полукольцо, прикрыв спину. Двое остались у машины.

– Маевский в триста восемнадцатой палате, – не здороваясь, сказал Прокофьев.

– Это ты о чем, начальник? – фыркнул Свищ и выразительно глянул на своего телохранителя, дескать, рук не распускать: грех обижать убогого.

– Это я о ком.

– Не знаю никакого Маевского, – нахмурился Свищ.

– А вот он тебя знает... – усмехнулся Прокофьев. – И кто Освальда заказал, знает.

– Неужели я?

– Да ты иди, иди, чего встал?

Доказательствами вины Свища Прокофьев не располагал, а без них бандита не прижать. Сказать ему, что нет у него улики, так он рассмеется в лицо и уйдет.

– Не знаю я никакого Маевского, – стараясь скрыть нервозность, повторил Свищ.

– И Освальда не знаешь?

– Ну Освальда, может быть, и знаю, – глянув на Динского, пожал плечами Свищ.

– И Борщев его знает... И много чего другого знает. Да ты ступай, Михаил Борисович, не стой, в ногах правды нет. Правда в суде.

– Какой еще суд? Ты меня, начальник, на пушку не бери!

– До суда еще следствие будет. Задержат, предъявят обвинение. И будет у тебя, дружок, другая охрана.

– Я тебе не дружок!.. – Свищ беззвучно шевелил губами, договаривая фразу нецензурными словами.

– Нет, конечно. Дружком ты будешь в камере. Пока не знаю, у кого.

– Слышь, ты!.. – расвирепел Свищ. И сжал кулак, но не для того, чтобы наброситься на Прокофьева, похоже, он пытался привести себя в чувство. – Закончился Май! Нет его больше!

Прокофьев постарался, чтобы ни одна черточка не дрогнула на его лице. Все-таки держал Свищ руку на пульсе событий, и получаса не прошло, как Майский умер, а он уже в курсе случившегося. Кто-то позвонил, сообщил.

– И ничего тебе Май не сказал! – усмехнулся Свищ.

Оказывается, он знал и это. Возможно, палата прослушивалась или Свищ не сомневался в своем киллере.

– Так что не надо, начальник!

Свищ сплюнул Прокофьеву под ноги и, толкнув его плечом, двинулся дальше. Но толкнул он в плечо полицейского зря. Прокофьев знал, с кем имеет дело, и в момент столкновения словно окаменел. Как ни старался Свищ, он не смог стронуть его с места. А ведь ударил его бандит в больное плечо.

– У нас реально на него ничего нет, – цокнув языком, сказал Динской, когда Свищ удалился.

– Будет.

– Борщ молчит?

– Пока да.

– Гаврилу не взяли.

– Еще не вечер.

– Ну хорошо, держи меня в курсе.

Пожав Прокофьеву руку, Динской двинулся к своей машине.

Прокофьев отправился в управление, не успел зайти в кабинет, как появился майор Ярыгин, старший оперуполномоченный его отдела. Рослый парень, видный, взгляд веселый, задиристый. В прошлом Савелий любил подраться от нечего делать, но жизнь кое-чему научила его, остепенила, а женитьба окончательно отшлифовала. Взгляд у него, может, и горячий, но голова холодная, он все просчитывает на много ходов вперед, продумывает. Любой из подчиненных Прокофьева мог вляпаться в историю, но только не Ярыгин.

– В замечательное время мы живем! – широко улыбнулся Савелий, колдуя в своем планшете. – Видеокамеры на каждом шагу. Даже в церкви. А вот Борща сняла камера торгового центра.

Ярыгин положил на стол перед Прокофьевым планшет с движущейся на дисплее картинкой. Ночная улица, фонари, дома, едва различимая в темноте церковь. Из проулка между домами вышел мужчина, свернул к дому Хикса, метров через десять остановился и, бросившись вправо, скрылся во дворе.

– По-твоему, это Борщ? – спросил Прокофьев.

– А кто ж еще?

– Лица не видно. Даже в профиль.

– А походка?

– Что походка? Ты знаешь его походку?

– Пьяная походка... Не так чтобы уж очень, но по сторонам человека водит. А во двор как забросило?.. Нарочно так, боком забросило, чтобы профиль не показывать. Борщ знал про камеру или догадывался. И воротник на куртке поднял... И еще знал, что калитка открыта, сам ее и оставил открытой, когда уходил.

Человек в кадре действительно не поворачивался боком к камере. Даже когда выходил из переулка, голова у него была повернула вправо. Как будто человек на самом деле знал про камеру. И во двор вошел боком.

– А время? Три часа ночи, город спит, на улицах никого нет. И Хикс уже угорел.

– И что говорит Борщев?

– А все-таки хорошо, когда камер много, – отказываясь от прямого ответа, невесело усмехнулся Савелий. – Плохо, когда их не хватает.

Прокофьев еще раз просмотрел запись и вернул планшет. Борщев послал Ярыгина к черту, и правильно сделал. Плохая запись, ничего не доказывающая. Но выводы все-таки делать можно.

Хикс умер в районе двух часов ночи, действительно, причина смерти – отравление угарным газом. Хикс и Борщ выпивали, один надрался, другой уложил его спать, зажег печку, задвинув при этом заслонку. Борщев уверял, что ушел в районе часа ночи, сожительница его показания подтвердила. Но в половине четвертого Борщ вернулся, выдвинул заслонку. Про то, что Борщев уходил из дома, сожительница не говорила. Но может сказать, если очень хорошо на нее надавить.

– Походка, говоришь, как у пьяного?

– Не то чтобы очень, времени-то сколько прошло.

– Времени много прошло, но мозги не протрезвели. Зачем Борщ вернулся?

– Заслонку обратно выдвинуть.

– А если бы не выдвинул, то что?.. Какая разница, выдвинута была заслонка или нет? Разве пьяный Хикс не мог лечь спать с закрытой заслонкой?

– Мог. И лечь, и угореть.

– Убийство Хикса маскировали под несчастный случай, и закрытая заслонка как нельзя лучше вписывалась в эту схему. А Борщ пошел и выдвинул заслонку. Зачем?

– Ну дернул черт, – пожал плечами Савелий.

– А днем он зачем к Хиксу вернулся? Забор сломал.

– Узнать, к какому выводу пришло следствие: произошел несчастный случай или убийство.

– Глупое решение.

– На похмельную голову, – кивнул Ярыгин.

– Или кто-то глупость подсказал.

– Мы думали, что Борщ мог быть с кем-то на связи, но вчера ночью он вообще никому не звонил. Только с Марьяной своей по телефону общался.

– А Марьяна эта где сейчас?

– Так на работе она еще, в салоне красоты работает, на ресепшене сидит, тут недалеко.

– Борщев говорит, что дружил с Хиксом, – в раздумье проговорил Прокофьев.

Он, конечно же, разговаривал вчера с Борщевым, пытался раскрутить его на признание, но так и не смог.

– Да, они реально дружили, – кивнул Ярыгин.

– И работали на одного дядю.

– Я бы сказал, Борщев работал на Хикса. Хикс основной, а он у него на подтанцовке, вещества развозил, закладки оставлял.

– И Борщ мог занять его место.

– Этого я не знаю.

– Будем выяснять. Где ты, говоришь, Марьяна работает?

Салон красоты с незатейливым названием «Грация» находился всего в пяти минутах от управления, если добираться до него на машине. За стойкой ресепшена сидела миловидная полноватая женщина слегка за тридцать. Пышная прическа с завитушками, скучающий взгляд, на губах дежурная улыбка. Она даже не подобралась, когда Прокофьев подошел к ней, как сидела развалившись, так и осталась сидеть. На прикрепленном к кофточке бейджике было написано Марьяна.

– Подполковник Прокофьев, уголовный розыск! – не вынимая удостоверения, представился он.

– А-а, вы из-за Славы! – встрепенулась женщина.

– Ваш Слава убил человека.

– Жаль, конечно, – вздохнула Марьяна.

Прокофьев мог побиться об заклад, что сейчас она думала не о судьбе Борщева, а о том, как поскорей найти ему замену. И действительно, зачем ей ждать из тюрьмы уголовника?

– Убил своего друга. Уложил его спать, зажег печку, закрыл заслонку и ушел к вам.

– Да, я знаю, ко мне приходили, спрашивали.

– Он ушел к вам, оставив своего друга умирать.

– Видимо, так... – вздохнула Марьяна.

– Наверное, Слава очень переживал. Вам так не показалось?

– Если честно, переживал, курил очень много, одну за одной. Он даже когда пьяный, так много не курит.

– А он выглядел пьяным?

– Было немного.

– Немного?... Может, он что-нибудь говорил вам?

– Да нет, молчал. Но смотрел на меня так тоскливо. Я спросила, что случилось, а он...

– Что он?

– Глянул на меня, как на дуру... Сорвался и ушел.

– Куда ушел?

– Я не должна была говорить! – разволновалась женщина.

– Слава сказал вам не говорить?

– Очень просил... – побледнев, кивнула Марьяна.

– Вы его боитесь?

– Да как вам сказать...

– Он же не может вас убить?

– Меня?!. Ну что вы!.. Если честно, я даже не поверила, что Слава мог кого-то убить.

– Что ж, тогда вам бояться нечего.

Уже через пятнадцать минут после разговора с Марьяной Прокофьев общался с Борщевым в помещении для допросов.

– А знаете, Вячеслав Георгиевич, почему вы вернулись на место преступления? Зачем сломали забор? Совесть вас замучила... Не хотели вы убивать своего друга, вас заставили.

– Никого я не убивал, – буркнул подозреваемый.

– Но забор сломали?

– Так друг же умер.

– Убили вашего друга.

- Не знаю.
- Вот поэтому вы и сломали забор.
- Ну психанул.
- Жаль вам стало своего друга, потому забор и сломали.
- Да что вы пристали ко мне со своим забором? – скривился Борщев. – Забор здесь вообще ни при чем!
- При чем! Ведь убийство можно было остановить. И вы это знали. Поэтому и вернулись к Полотнову домой. В три часа ночи. Заслонку открыли, а вдруг он еще живой. Но Полотнов был мертв... Нет, забор вы ломать в тот раз не стали.
- Да достали вы меня со своим забором! – взвился Борщев.
- В три часа ночи вы забор не ломали, – кивнул Прокофьев. – В три часа ночи вы вошли через калитку.
- Через калитку.
- В три часа ночи?
- Эй, какая калитка в три часа ночи?.. – спохватился Борщев. – Ты что, начальник, нарочно меня забором с толку сбиваешь?
- В три часа ночи вы пришли к Полотнову, чтобы его спасти. Но не успели.
- Да не был я у него в три часа ночи! – разволновался Борщев. – Врет все ваша камера!
- Я знаю, что вы очень переживали. Знаю, что много курили. А потом поднялись, вышли из дома и отправились к Полотнову. А вдруг он еще живой?
- Много курил?.. Из дома?.. – Голос у Борщева дрогнул, глазки забегали.
- Вы ведь на самом деле очень переживали, Вячеслав Георгиевич. Поняли, что натворили, решили дело исправить, но не успели.
- У вас нет доказательств. – Борщеву явно не хватало уверенности, а в глазах стоял знак вопроса. А вдруг следствию хватит доказательств, чтобы осудить его за убийство?
- Мы учитываем ваше раскаяние, Вячеслав Георгиевич. И ваше искреннее желание исправить ошибку. Для нас это много значит... Для нас, не для суда, – немного подумав, добавил Прокофьев.
- Для суда? – эхом отозвался Борщев.
- Мы ведь действительно можем повернуть дело так, будто произошел несчастный случай. Было бы желание. А поскольку вы раскаялись... Вы же могли затопить печку, не глянув на заслонку?
- Так и не глянул.
- Глянули, но не придали значения. А дома вспомнили, что заслонка закрыта. И вернулись в дом, чтобы ее закрыть.
- Так и было!
- Да, но мы-то знаем, что вы занимались распространением наркотиков. Знаем, что вы работали на Свища. Знаем, что Свищ поставил вам задачу убрать Полотнова. Знаем, что в ту же ночь погиб Виктор Асвалов по кличке Освальд...
- Но это не так!
- Асвалов не погиб?
- Нет, Асвалов, может, и погиб...
- Полотнов толкал через него левый товар, Свищ его предупреждал. Полотнов не понял.
- Ну да, не понял... – Борщев прижал кончики пальцев к столу, чтобы унять в них нервную дрожь.
- А вы, Вячеслав Георгиевич, поняли все правильно. И приняли предложение Свища. Вы решаете вопрос с Полотновым, и к вам никаких претензий, – предположил Прокофьев.
- Ну-у... – Борщев оторопело смотрел на него. А вдруг это не догадки, а подтвержденные сведения, которые суд воспримет как доказательство?

– Мы ведь можем переквалифицировать убийство на несчастный случай. – Прокофьев улыбался, пристально глядя на подозреваемого. – Или в крайнем случае на убийство по неосторожности. Вы могли затопить печку и забыть про заслонку...

– Для того чтобы вы переквалифицировали убийство, я должен сдать Свища?

– Я не призываю вас проявить гражданскую сознательность... Но вы должны сдать Свища!

– Свищ мне ничего не говорил.

– А кто говорил?

– Кривой.

– Значит, все-таки Кривой... – с деловитым видом кивнул Прокофьев.

На самом деле он и понятия не имел, кто такой Кривой, но Борщеву вовсе не обязательно это знать.

– Ну да, он подъехал, проблемы у тебя, говорит. Надо решать.

– Хикса убить?

– Да... Я правда раскаялся! Правда очень жалел!.. И к Хиксу вернулся, думал, что он жив!..

– Кривого так просто не взять, да? Говорят, он плотно шифруется?

– Ну как шифруется... Где он живет, я не знаю, но есть одно место, где он бывает каждый день. Бильярдная на Бакинских Комиссаров его контора, он почти всегда там.

– А что насчет Освальда скажешь?

– С Освальдом я дел не имел.

– Хикс имел.

– Да... Химичили они реально... Но я Освальда не трогал!..

– Ты нет, но отмашку его убрать дал Свищ?

– Ну мог... Через Кривого. Сейчас все дела через Кривого идут.

Медлить Прокофьев не стал, собрал группу, отправился на улицу Бакинских Комиссаров, но Кривого там не застал. Был утром, заскочил на полчаса, уехал и с концами. Возможно, концы эти зачищал Свищ.

Но в любом случае голову над убийством Освальда Прокофьев ломать перестал. Его ведь мог задушить один киллер, а прибрататься за ним отправились другие. Сначала подъехал один, избил Освальда, затем задушил его. Экспертиза показала, что задушили его руками, а потом уже в ход пошла удавка. К чему такая сложность, Прокофьев не знал. Но, возможно, выяснит, как только возьмет настоящего убийцу. Рано или поздно это случится, а если нет, то вся вина ляжет на покойного Майского. А почему бы и нет? Не тот он человек, этот Освальд, чтобы рыть землю в поисках его истинного убийцы. А вот Гаврилова в покое оставлять никак нельзя, и дело не только в том, что этот подонок ранил Сашу Лукова. Порядок есть порядок.

Глава 5

Осень на дворе, осень в жизни. Глубокая осень, старость уже на пороге, дает о себе знать. Карамболь еще не клал челюсть в стаканчик, зубы у него хоть и вставные, но фарфоровые, держатся крепко. Но сама по себе вставная челюсть его уже не пугала, и седые волосы в порядке вещей. И ровесница-жена его бы не смущала, может, ровесница даже лучше, чем молодая красотка в постели. Аэлите ведь секс требуется, погорячей, почаще и подольше, а Карамболу и пару раз в неделю вполне хватило бы. Но ей каждый вечер подавай. И как тут не уступить, если она даже мертвого могла поднять.

– А хочешь, давай в подвал спустимся? – тихо, на ушко спросила она. – Привяжешь меня к кровати, и делай со мной что хочешь. Пока я не стану послушной-препослушной!

– А в следующий раз я тебя просто убью, – ухмыльнулся Карамболь.

Понравилось ей в подвале, мягко там и тепло, и если бьют, то понарошку. А привязывал ее Карамболь не просто так, эта сучка изменяла ему. То с молодым пареньком, то со старым пнем Пентиумом. С этим пнем она даже сбежала, на карачках обратно приползла, землю под ногами вылизывала, умоляла простить. И ведь Карамболь ее простил. Не в первый, но в последний раз.

– А следующего раза не будет! – сказала она и нежно пощекотала языком в самом ухе мужа.

– Но привяжу я тебя крепко, – завелся Карамболь.

Он уже настроился идти в подвал, когда появился Лазарь.

– Юрий Сергеевич, Брайтон подъехал, сказал, по важному делу.

– Вот как? – Карамболь взял салфетку, вытер жирные после баранины губы, швырнул ее на стол.

Вечер уже, поздно, и Аэлита создала романтическое настроение, но все-таки он вышел к Брайтону. В другой раз послал бы его подальше, но дела сейчас ни к черту.

– Да я ему сказал, пусть завтра подъезжает, – поморщился Лазарь.

– Не надо завтра, – с трудом поднимаясь со своего места, сказал Карамболь.

Лето в этом году выдалось жарким, две пули от киллера схлопотал, мог и не выжить. Сейчас уже все в порядке, больничный режим сняли. А вот постельный остался. Аэлита так хорошо стелет. Сучка ненасытная.

Лазарь Брайтона в дом не впустил, оставил его на террасе. Карамболь знал почему. Лазарь – начальник охраны, можно сказать, первый человек в его свите, а Брайтон – пацан не промах, на ходу подметки рвет. Ревнует его Лазарь, боится оказаться на вторых ролях. А все возможно. За Лазарем столько косяков, а Брайтон пока держит марку.

– Юрий Сергеевич! – Брайтон всем видом давал понять, что Карамболь для него отец родной, все преданность свою выказывал.

Но Карамболь давно уже не верил ни чьим бы то ни было словам, ни взглядам.

– Короче.

– Свищ порядок в своем огороде наводит. Два сорняка уже вырвал.

– Я в курсе, – кивнул Карамболь, с интересом глядя на Брайтона.

Он ведь практически урод на внешность, лицо будто из дерева пьяным резчиком по дереву топором вытесано, глянешь на него – ну ни малейших признаков интеллекта. Но язык у Брайтона подвешен, и умные мысли в голове водятся.

– И то, что агрономы спалились, в курсе, – улыбнулся Брайтон.

– Спалились.

Свищ зачищал свои ряды, начал с мелкой сошки и сразу же обломался, менты ему на хвост наступили, теперь отбивайся. Карамболь очень надеялся, что Свищ сядет в лужу. Ему потом останется только добить эту мокрую курицу.

– Одного менты приняли, другой склеился, а Гаврила ноги сделал, – продолжал улыбаться Брайтон. Он явно готовился выложить козырь из рукава.

– И что?

– Я знаю, где сейчас Гаврила.

– Где?

– Да есть у него один хороший знакомый, – усмехнулся Брайтон. – Для нас хороший, для него плохой, он по старой памяти Дику шепнул.

– Дик с тобой?

– Дик по адресу, – качнул головой Брайтон. – Гаврилу пасет.

– Зачем его пасти, брать нужно! – возбудился Карамболь.

Свищ под охраной, подобраться к нему сложно, да и опасно его убивать: еще не спала волна, поднятая Пентиумом. Менты сейчас на стреме, не зря же у Свища проблемы. Да и здоровье у Карамболя хромает, нельзя ему сейчас на нары. И тем более в гроб ложиться. А вот если Гаврилу взять да обработать его как следует, а потом слить ментам и натравить их на Свища...

– Вот и я о том же, потому к вам приехал. Вы только скажите, в два счета что нужно сделаем, прямо сейчас.

– Дело нужное, – согласился Карамболь.

– Помните, как Пентиум Свища подставлял? – осклабился Брайтон.

Карамболь кивнул, вспомнив, как отбивался от пентиумовских отмороzków. Эта кодла вломила в больницу, где он лежал, и пыталась его убить. Не смогли, отступили, оставив на месте труп Клина из команды Свища. Как будто это Свищ пытался счеты с Карамболом свести.

– И мы так можем. Типа, Свищ Прокофьева заказал, а Гаврила пытался исполнить, – разогнался Брайтон.

– Прокофьева? – поморщился Карамболь.

С Прокофьевым у него рамсы, не вопрос. Из-за бабы. Черт его попутал, на Вику полез, Прокофьев его с нее снял да кулаком в челюсть заехал. А спустя время снова по морде дал. Карамболь тогда чуть с катушек не слетел, подкараулил Прокофьева на узкой дорожке, хотел ему челюсть ударом сломать, а нарвался на киллерские пули. Прокофьев, конечно, сволочь, но ведь он взял киллеров и Пентиума на чистую воду вывел. И в больнице тогда на пути у пентиумовской кодлы встал, можно сказать, принял огонь на себя.

– Ну с ним же тоже нужно решать вопрос, – сказал Брайтон, внимательно глядя на Карамболя. Похоже, понял он, что перегнул палку.

– Давай сначала со Свищом решим... Тащи сюда Гаврилу, говорить с ним будем.

– Может, не сюда? Может, не здесь? – спросил Лазарь, с подозрением глядя на Брайтона. – Может, подстава какая-то!

– Какая подстава? – вскинулся тот, в ответ зыркнув на Лазаря.

– А если тебя самого подставляют? – спросил Карамболь, в раздумье глядя на Брайтона.

Возможно, Свищ уже в курсе, что его люди вышли на Гаврилу, может быть, засаду устроил в доме, гостей ждет. А может, менты Гаврилу пасут, ждут, когда Свищ на него выйдет, а возьмут Брайтона. Все возможно.

– Меня подставляют?! Ну может быть... – озадаченно сказал Брайтон. – Если вдруг, вы, Юрий Сергеевич, не при делах. Это чисто мое решение.

– Твое решение, Сеня. И твое дело, – кивнул Карамболь. – На тебя большая надежда.

Не все ладно в его королевстве, не хватает личного авторитета, чтобы удержать всю власть в своих руках. Свищ вот откололся, Пентиум вызов бросил. И Лазарь со своими бойцами посто-

янно лагает. Одна надежда на Брайтона. Может, пацан и погорячился с Прокофьевым, но ход мысли у него правильный. И если он сможет свалить Свища, то займет его место. А почему бы и нет? Тварь неблагодарная не должна рулить наркотой, ею должен заниматься верный, преданный Карамболю человек. У Брайтона появился отличный шанс выбиться в люди.

* * *

Осень, темнеет рано, а может, просто черная туча напозла. С утра дождь идет, холодно, а Вика в легком плаще и под зонтом, на голове модно повязанный шелковый платок. Она стояла у машины Прокофьева и грустно смотрела ему в глаза. Милая она, красивая, сколько в ней нежности, у Егора невольно сжалось сердце.

– Могла бы и позвонить... – сказал он, открывая дверцу машины. – Могла бы и в кабинет прийти.

– Да я только что подошла, – улыбнулась женщина.

Он взял ее под локоток, но Вика, прежде чем сесть в машину, немного помедлила.

– Вообще-то я ненадолго, – сказала она, все же усаживаясь на переднее пассажирское сиденье.

Прокофьев закрыл за женщиной дверь, обошел машину и сел в кресло водителя.

С Викторией Егор познакомился при экстремальных, можно сказать, обстоятельствах. Карамболь выкупил предприятие, где она работала главным бухгалтером, и, возомнив себя вершителем человеческих судеб, полез на Вику. За что и схлопотал. В тот же день Егор остался у Вики на ночь.

Все бы ничего, но у него жена, пусть и не любимая, но до Вики он не изменял Марине. Все бы ничего, но, как выяснилось, Вика имела отношение к одной очень нехорошей истории. Бандиты Карамболя организовали нападение на инкассаторов, похитили крупную сумму денег. Грабители увели семь инкассаторских сумок, две нашли сразу рядом с умершим от ран Сивым. Две сумки увел Пентиум, эта пропажа нашлась совсем недавно, жаль, что вернуть удалось не все деньги. Две сумки с пяти тысячными купюрами увел Сарычев, одна уже нашлась, вторая пока в розыске. И еще одна такая же сумка с оранжевыми купюрами ушла с предателем инкассатором Сигайловым, который участвовал в ограблении. И вот не так давно выяснилось, что Вика хорошо знала и Сарычева, и Сигайлова, и с одним в свое время спала, и с другим. Она клялась, что к ограблению не имела никакого отношения, но Егор не очень-то ей верил. В уголовное дело он впутывать Вику не стал, но дорожку к ней решил забыть.

Только вот не забывается Вика, не выходит из головы, и сегодня Егор о ней думал, и вчера. И сейчас у него грудь от волнения сдавлена.

– Что-то случилось? – спросил он.

– Что-то должно случиться, – вздохнула она, – и только тогда мы можем встретиться, да?

– Ну ты же знаешь...

– Я все знаю и все понимаю. И ты можешь не переживать. В моей жизни появился мужчина, – тихо сказала она. – У нас очень серьезно.

– Я не думаю, что это плохо. – Давление на грудь усилилось, голосовые связки пережало, Егор с трудом закончил фразу.

– Я думаю, что это хорошо... На самом деле все хорошо, – торопливо проговорила она.

– А что плохо?

– Что плохо... Сарычев сегодня приходил.

– Сарычев? – поморщился Егор.

Сарычев – птица хитрая и наглая. Торговал строительными материалами, много задолжал мелкому криминальному боссу, в счет оплаты участвовал в нападении на инкассаторов. Именно за соучастие он и был осужден на шесть лет, отсидел всего два года. Сарычев преподнес

себя как жертву бандитского произвола, дескать, заставили его идти на гиблое дело, но картина постепенно прояснялась. Уже после суда над ним появились основания считать, что именно Сарычев и организовал ограбление, подключив к делу своего знакомого Сигайлова. Доказательствами этой версии следствие не располагало, но Сарычева решили выпустить пораньше, а затем проследить за ним, чтобы отыскать припрятанные деньги.

Такая каша тогда заварилась. Сарычев отправился к своему тайнику, но незадолго до его появления деньги нашел деревенский житель, который через день-два после этого трагически погиб. В убийстве подозревали Сарычева, и он действительно в момент преступления подкрадывался к Василькову. Но убийцей оказался совсем другой человек, он же и забрал одну инкассаторскую сумку, вторую, предположительно, взял сам Сарычев. Убийцу задержали, деньги конфисковали, а вторую сумку найти пока не удастся. Сарычев клянется, что не брал ничего, но верить ему нельзя. И обратно в места не столь отдаленные отправлять его не стоило. Прокофьев практически не сомневался в том, что вторая сумка найдется, если Сарычев останется на свободе.

Вика терпеть не могла Сарычева, а он уже подкатывал к ней, и не раз. А Прокофьева он не очень-то и боялся, потому как в любой момент мог прикинуться жертвой его личной к себе неприязни. Тем более что Прокофьев уже имел неприятности из-за Вики, сам начальник управления требовал прекратить с ней отношения из-за конфликта с Карамболом.

И с Сарычевым у Прокофьева очень сложные отношения. Сарычев – нахал и подлец, издеваться над людьми – его любимое развлечение. Пока он мотал срок, его жена вышла замуж за некоего Вельяминова. Вернее, только собиралась выйти замуж. Хотела развестись с мужем и оформить с Вельяминовым отношения, она же не знала, что Сарычева выпустят так рано. Сарычев вернулся, круто наехал на бесхребетного Вельяминова, подмял его под себя. Да и Лариса, его жена, оказалась еще той штучкой. Вельяминов от нее без ума, а Сарычев только рад заняться любовью с женой чуть ли не на глазах у Вельяминова. Мало того, Сарычев совратил жену самого Вельяминова. Вот тогда все и закрутилось.

Жена Вельяминова пыталась заказать Сарычеву своего мужа, тот отказался, она обратилась к своему прежнему любовнику. В итоге погибла сама заказчица, Сарычев попал под подозрение в убийстве, Прокофьев задержал его, отправил за решетку. Но вскоре выяснилось, что Людмила Вельяминова стала жертвой киллеров, которых Пентиум отправил в Чугуй по душу Карамболя.

Сарычева пришлось отпустить, но его приключения на этом не закончились. Он снова вляпался в историю. После провала первой группы киллеров Пентиум отправил в Чугуй целую команду наемных убийц. Карамболь тогда лежал с ранением в больнице, окруженной сплошь невысокими зданиями – киллеру негде засесть. Но снайперский комплекс установили на вышке сотовой связи, управление осуществлялось дистанционно, ствол наводился на цель с помощью программы на компьютере. К смерти приговорили Карамболя, но под выстрел угодил сам Прокофьев. Киллера в конечном итоге взяли, банду наемников обезвредили, однако выяснилось, что в момент выстрела оператор за пультом отсутствовал. Выстрелить мог Сарычев, и, возможно, он не упустил возможности свести счеты с Прокофьевым. Но промахнулся. А доказательств его вины не нашлось, совершенная им подлость осталась за кадром и заглохла на фоне информационного шума, который поднялся после того, как банда наемных убийц атаковала целую больницу.

Сарычеву бы самому заглохнуть, но нет, он снова дает о себе знать.

– Ты только не подумай, он меня не оскорблял, даже слова плохого не сказал, – поспешно сказала Вика. – Тихий такой, улыбается, давай, говорит, начнем все заново.

– И что тебя смущает?

– Мягко стелет, как говорят в таких случаях. И еще черти в тихом омуте водятся.

– Чертей хватает, – кивнул Прокофьев.

– В глазах у него эти черти, они бесятся, а он их сдерживает. Что-то не так с ним, опустошенный он какой-то, даже жалкий... Что-то не очень хорошее с ним случилось.

– А что именно случилось, не говорил?

– Да нет... Но что-то он задумал...

– А если поконкретней?

– Не знаю. Но мне кажется, ему нужны деньги Сигайлова.

– Он спрашивал про них?

– Сегодня нет, а вообще интересовался. Я уже устала повторять, что нет у меня никаких денег... И еще придется повторить, он сказал, что завтра снова придет. Он от меня теперь не отстанет! – мотнула головой Вика. В ее голосе звучали панические нотки.

– Хочешь, чтобы я с ним поговорил?

– Я очень хочу, чтобы он от меня отстал... Из-за него я потеряла тебя, – тихо сказала она. И еще тише произнесла: – Из-за него я могу потерять Леонида!

– Ты его любишь? – сам от себя того не ожидая, спросил Прокофьев.

– Тебя любила больше, – все так же тихо сказала Вика.

– Любила?

– Любила!.. – Она резко повернулась к нему, словно отсекая прошлое от настоящего. – А сейчас люблю другого!..

– Ну что ж... – начал было Егор, но замолчал, не в силах набрать в легкие воздуха. Как будто слон на грудь ногой наступил, и сердце еще больше сжалось, не хотело биться.

– И я не могу потерять Леонида.

– Я должен тебе помочь? – через силу выдавил Прокофьев.

– А мне больше не к кому обратиться!

– Обращайся... Я поговорю с Сарычевым... Он должен оставить тебя в покое. И я тоже.

– И ты тоже... Егор, ты только не обижайся!.. – Вика взяла его за руку и умоляюще посмотрела в глаза.

– Да нет.

– С Леонидом у меня очень серьезно... Да и тебе будет легче.

– Я поговорю с Сарычевым! – Егор напористо глянул на Вику.

Одно из двух, или она уходит прямо сейчас, или он целует ее в губы и увозит на край света. А он чувствовал, что доведен до отчаяния. Любил он Вику, любит, и только сила воли держит его на цепи, не пускает к ней. И будь она проклята, эта сила воли. Он готов был сказать ей это прямо сейчас. И даже не сказать, а закричать.

Вика поняла его и, закрыв глаза, потянулась к нему, но вдруг подалась назад, схватила зонт, выскочила из машины и скрылась в дождливой темноте. Прокофьев не стал ее останавливать.

* * *

Ночь в лесу темная, дождь не прекращается, земля сырая, Гаврила измучился, пока вырыл себе могилу. Карамболь просматривал видеозапись, сам он сидел в своем кабинете в мягком кресле, вокруг сухо, тепло и светло. Гаврила где-то в темной глубине компьютерного монитора, но, как ни странно, Карамболь чувствовал его страх и страдания. Ощущение такое, будто он сам копал себе могилу – насквозь мокрый, грязный как черт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.